

Софья Хентова

**КЛАССИК
ПЕСНИ**

БЕСТРОРЕЦК 1999

СОФЬЯ
ХЕНТОВА

КЛАССИК
ПЕСНИ

Всичко с София Хентова, 1975 год.

Сестрорезиц
1999

Беседа с Софьей Хентовой. 1972 год.

**СОФЪЯ
ХЕНТОВА**

*КЛАССИК
ПЕСНИ*

Сестрорецк
1999

СОФЬЯ ХЕНТОВА

Автор этой книги, профессор, доктор искусствоведения Софья Михайловна Хентова создала опубликованные миллионным тиражом 40 книг о музыке, большинство из которых посвящено выдающимся деятелям современной музыкальной культуры.

Эта книга вышла в свет по инициативе и благодаря организационной и финансовой помощи предпринимателей Курортного района Петербурга – Татьяны Смирновой, Александра Ваймера и Самеда Алиева.

Издание приурочено к двадцатилетию кончины классика современной русской песни Василия Павловича Соловьева-Седого.

ISBN 5-87499-046-1

© Хентова С. М., 1999

© Издательство «КАНОН»,

редподготовка, оригинал-макет, 1999

Каждое время рождает свои песни, отражающие душу народа. В тридцатые-семидесятые годы в центре песенной культуры России находилось творчество Василия Павловича Соловьева-Седого. Он создал мелодии, которые будут жить веками, как выражение извечной красоты.

Он был крестьянским сыном, и его творчество проходило, главным образом, в поселке Комарово – в этом чудесном месте, где жили и работали многие выдающиеся деятели культуры: история Комарово еще ждет своего летописца.

Очерк «Классик песни» посвящен Василию Павловичу Соловьеву-Седому, каким он был на ленинградской земле, где родились знаменитые «Подмосковные вечера», ряд песен о Ленинграде. Поскольку во времена Соловьева-Седого нынешний Петербург назывался Ленинградом, в книжке и принято это наименование.

Детство не умирает в человеке. Где бы ни бывал Соловьев-Седой, став именитым, в его памяти и чувствах жил озерный край, неподалеку от Невеля, по дороге в Витебск.

Озера глубокие и чистые: Невель, Большой Иван, Малый Иван. Изобилие лебедей, гусей, нырков. Рыба не переводится. Вася сызмальства с удочкой не расстается.

Вокруг – леса: сосна, береза, рябина, орешник. В зарослях – глухари, тетерева, на моховых болотах – куропатки.

Лето – праздник для птиц. Бекасы, цапли, журавли прилетают, в ясном небе – ястребки, в лесу – соловьи поют, как вспомнит и напишет много лет спустя Вася Соловьев: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат».

Маленький Вася – сызмальства грибник, привольно чувствует себя на водных просторах, в лесу. Для него поет природа: солнце, плывущее по чистому небу, липы с сочными листьями, скошенные поля, месяц в небе, голоса петухов, серебро рыб и озерные туманы. У речки Еменки, куда бегаешь купаться, у леса, у птиц и ветра – свои мелодии, и беленький тоненький мальчишка из деревни Кудрявцево слушает их, запоминает: всю жизнь будет считать, что оттуда, из деревни пришли его песни.

За многолетнюю историю невеличкая земля не раз отходила к Великому Новгороду, к Полоцку, Пскову, Витебску. Край был многонациональным, и песни были разные – русские, белорусские, польские, литовские, еврейские. С этим были связаны, как он сам позднее считал, устойчивые музыкальные впечатления: «Мне кажется, что решающей в судьбе композитора является музыкальная атмосфера, которая окружала его в детстве. Мои детские впечатления во многом связаны с народной музыкой».

Псковщины, Белоруссии». То были, главным образом песни лирические, скромные, сдержанные, хороводы степенные — под гармонь.

Отец Василия — Павел Петрович Соловьев, отслужив в армии, устроился дворником в Петербурге, на Обводном канале. Невесту себе присмотрел из родных мест — красавицу Аню — Анну Федоровну. Свадьбу сыграли в деревне Кудрявцево: три дня всей деревней веселились.

25 апреля 1907 года у Павла и Анны Соловьевых родился сын — Василий.

Юность его прошла на Старо-Невском проспекте в пятиэтажном сером доме, который по составу жителей можно было считать своеобразным социальным «зеркалом» Петербурга начала двадцатого века. В отличие от аристократических районов, примыкавших к Дворцовой площади, здесь часть жильцов составляли недавние крестьяне, в основном из Северо-Запада России. Анна Соловьева служила горничной у знаменитой певицы Анастасии Вяльцевой, которая привязалась к милой псковитянке и заметила ее музыкальность: Анна слушала домашние репетиции Вяльцевой и получила в подарок граммофон и напетые ею пластинки: «Захочу — полюблю», «Ветерочек», «Гайда тройка». Они постоянно звучали в дворницкой у Соловьевых. А на лето Василий отправлялся в порховскую деревню, к родителям матери, где наслушался псковских грустных песен, или в Кудрявцево, откуда возвращался подростком, с волосами, совсем белыми от солнца, и эта белизна, похожая на седину, долго сохранялась: отец ласково называл его Седеньким, Седым, дворовым мальчишкой, гораздым на прозвища, кличка «Седой» понравилась: с тех пор Василия так только и стали называть.

В конце первой мировой войны Павла Соловьева вновь призвали на военную службу и направили в сельскую местность Финляндии, у моря. Впервые в жизнь Васи Соловьева вошло ощущение власти морских просторов, сказавшееся впоследствии в его морских песнях. Как и в Кудрявцево, он чутко слушал голоса природы. Богатое воображение и здесь все, что видел и

наблюдал, переводило в звуки, сохраняло ранней памятью сердца.

Это финское путешествие Соловьев-Седой в зрелости отмечал среди ярких музыкальных впечатлений.

Обучался Василий в трехклассной городской петербургской школе для бедняков. После революции его отец, ставший рабочим на мельнице, на рынке у Лавры, где бойко шла обменная торговля, за крупу и немного сахарины приобрел старенькое пианино фирмы «Циммерман». Пристрастие к музыке у Василия проявлялось устойчиво. Учитель для него нашелся в том же доме — Борис Николаевич Камчатов, известный пианист, выступавший с концертами в Большом зале Филармонии. Учился Василий не очень усердно, но пристрастился к импровизации, по слуху подбирал на рояле разные песни. Действовал смело и, продолжая посещать школу, стал сопровождать своими примитивными импровизациями немые фильмы в кинотеатре «Слон». Успех импровизаций был таким, что его пригласили сопровождать фортепианной игрой студийные уроки гимнастики, а потом и радиогимнастику: Василий вставал в четыре часа утра и шел пешком с улицы Жуковского, где тогда жил, на набережную Мойки, в радиостудию, чтобы разбудить трудовой люд бодрим маршем. Не год и не два, а восемь лет продолжалась работа пианиста-иллюстратора. Соловьев привык к ней, и к нему привыкли, как к опытному импровизатору.

Самостоятельность побудила подумать о необходимости образования. Попытка поступить в технический вуз не удалась. Однажды в студию гимнастики заглянул студент консерватории композитор Алексей Животов и, услышав импровизации Василия, посоветовал: «Вам нужно учиться». «Я слушал его с недоверчивой усмешкой, а внутренне был взволнован», — вспоминал впоследствии Соловьев-Седой. Узнав, что в Петербургском Центральном музыкальном техникуме открывают композиторское отделение, Соловьев-Седой отправился туда, симпровизировал на экзамене марш и, хотя теоретических знаний не обнаружил, был принят.

Ему повезло: попал в класс Петра Борисовича Рязанова — талантливого воспитателя молодых музыкантов, выходившего за

За фортепиано

строгие академические рамки, обладавшего особой психологической отзывчивостью, терпением, доверием к возможностям неофитов. Улавливая талант, Рязанов, безошибочно распознавая природную направленность – то, что принято называть творческой индивидуальностью, по первым опытам убедился в склонности Соловьева-Седого к вокальной музыке. Мало музыкально образованный юноша, что бы ни сочинял, интуитивно прочно держался за свою основу – народную песенность, бытовые жанры городского фольклора, интонации, рождавшиеся средой, его воспитавшей.

Научившись записывать музыку, овладев навыками сочинения, он постепенно словно бы разучился импровизировать. И все же импровизация осталась – взглядом на рождение музыки как на некое таинство; никогда он не «делал» музыку, не конструировал – сохранял наивное преклонение перед магией творчества.

Молодость

Его энтузиазм заметно поддерживала установленная в техникуме практика почти каждое сочинение студентов-композиторов исполнять в концертах, перед массовой аудиторией. Соловьев-Седой вошел в бригаду, которая договаривалась с Сестрорецким заводом им. Воскова о выступлениях в цехах, удавалось проводить концерты в санаториях, на станциях Александровской, Тарховке, в Разливе — у ленинского шалаша, перед экскурсиями. О содержании и пользе такой работы Соловьев-Седой рассказывал: «Помимо подготов-

ленной программы, мы иногда тут же импровизировали сатирические куплеты, разучивали массовые песни. Принимали нас очень тепло. И конечно, эти выступления приносили нам колоссальную пользу: мы проверяли результаты своего творчества на отзывчивой и вместе с тем требовательной народной аудитории. Мы были счастливы, что можем внести посильный вклад в дело культурного строительства. А это служило лучшим стимулом для дальнейшей творческой работы».

Она была столь успешной, что Соловьева-Седого и его творческих друзей по техникуму перевели в консерваторию, вместе с педагогом П. Рязановым, так что у него были продолжены занятия по специальному сочинению.

Песенная тематика и стиль обогащались. Возрастала требовательность к текстам: композитор обращался к стихам Антала Гидаша, Демьяна Бедного, Бориса Корнилова, Александра Жарова. Особенно близкими оказались стихи Александра Чуркина —

это была жизнь поколения: «Есть на свете страна», «Парень кудрявый», «Муза во френче», «Песня о Ленинграде», «Встреча с юностью», «Светлая судьба». Отсюда приходит восприятие северного не как географической категории. Северность для него, ленинградца, это настроение, образ, скромная природа, как-бы воспринятая деятельным характером, «прошедшая через него». Таковы песни на стихи А. Чуркина: «Выходи сегодня на залив», «В том краю, где бор», «Другу» — это песня положила начало заметной тематической линии творчества — песням о товариществе, дружбе, мужской верности.

Во второй половине тридцатых годов в жизни Соловьева произошли решительные перемены. Он женился на Татьяне Рябовой — талантливой пианистке, которую П. Рязанов привлек для пропаганды фортепианных сочинений своих учеников. Поселились на Старо-Невском, у отца, ставшего управдомом. Вскоре родилась дочь Наталья, и пришла великая беда: дочь оказалась глухой, немой и услышать песни отца не могла. Познав великое страдание, Соловьев-Седой как бы услышал его в мелодиях, в песнях, какой бы ни была их тема. Его творчество заметили на ряде песенных конкурсов, но большая известность пришла, когда страну постигла трагедия войны.

Первые бои шли на дальних заставах, где пограничники сопротивлялись танковым армадам. На второй день войны поэтесса Л. Давидович принесла Соловьеву-Седому стихи:

*Но злая вражья стая
Над нами, как туча взвилась,
Застава дорогая
За Родину поднялась.*

24 июня Соловьев-Седой сочинил мелодию, простую, легкую, запоминающуюся, и в тот же день вечером песня уже звучала из репродукторов над родным городом. Эта песня появилась в нотном сборнике «Песни Краснознаменной Балтики»: ныне это издание — библиографическая редкость; Соловьев-Седой, равнодушный к своему архиву, терявший свои рукописи, хранил, однако, экземпляр «Песен Краснознаменной Балтики» как важнейшую

Слушал советы жены – пианистки Татьяны Рябовой

ценность: песня, опубликованная там, имела для него значение символическое, как начальный шаг на пути, который выявил его композиторскую силу.

Творческий тонус Соловьева-Седого с того памятного дня, когда прозвучала его первая военная песня, нарастал. От рояля было не оторвать, а, главное, он знал, что и как должен писать, и ничто не могло утолить эту неумную жажду. Война всколыхнула то «чувство солдата», которое жило в Соловьеве-Седом с детских лет. Солдатство как психология – верность, храбрость, долг, дисциплина – было близко крестьянской семье Соловьевых, и это передалось, впиталось в плоть и кровь композитора. Накануне войны солдатскую службу прошел он сам.

Теперь битва шла рядом, как реальность; солдатская тема становилась всеобщей, даже всеобъемлющей, и сын старого солдата мог воплотить ее с искренностью и полнотой, как никто другой.

Отвага — знамение военного времени — сделала и его смелым, и фантазия, освобожденная от оглядки, направлялась в русло, свойственное его индивидуальности, его взгляду. Вокруг звучали марши, гимны, суровые призывы: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!». Соловьев-Седой добавил к этому неожиданное лирическое наклонение, не побоялся словно ненужного, расслабляющего. Нет, Родину защищал человек, ничего не утративший в человеческом. По убеждению Соловьева-Седого, «в тяжкую годину нужны были не только суровые, мужественные песни... Было стремление не только к героике, но и к лирике... Люди особенно нуждались в теплоте и искренности чувств». Открывшаяся в молодом композиторе величайшая отзывчивость на пульс народной жизни — свойство истинного песенника — и заключалась прежде всего в выборе героя. Им стал не отвлеченный символ, а русский парень, сохранивший все богатство честных и искренних чувств, обожженных войной, обостренных ею. Музыка, выражавшая эти чувства — лирическая музыка — поддерживала мужество, утешала, возвышала, укрепляла те нравственные качества, то чувство правды и справедливости, которые и сделали недавнего мирного человека неустрашимым, непобедимым.

Из обильного песенного потока начальных военных месяцев композитор выделял четыре песни: уже упомянутую «Играй, мой баян», «Песню смелых» на стихи А. Суркова, взятые из газеты, с афористическим припевом — «Смелого пуля боится, смелого штык не берет», «Встречу Буденного с казаками» на стихи А. Чуркина, «Вечер на рейде». Если в первых трех случаях композитор писал на имевшийся текст, вдохновлялся им, то «Вечер на рейде» возник как музыка без слов, навеянная конкретной картиной тех дней.

Как и все ленинградцы, помимо своей профессиональной работы Соловьев-Седой рыл траншеи, входил в противопожарную команду, обучался гасить зажигательные бомбы.

«Споемте, друзья!»

Вместе с поэтом А. Чуркиным его направили для работы в порт. После длинного трудового дня присели отдохнуть на борту разгруженной баржи. Наступил поздний ленинградский вечер, сохранившийся на всю жизнь в памяти А. Чуркина: «Ничто не напоминало о войне. Волны чуть слышно плескались о прибрежную гальку. Залив был окутан синей дымкой. Невдалеке на рейде стоял корабль. С него доносилась тихая музыка — там кто-то играл на баяне. Соловьев-Седой сидел молчаливый и задумчивый. Когда мы отправились домой, он сказал: «Замечательный вечер. Стоит песни». Видимо, у него уже зародилась мелодия...».

Чуркин засел писать стихи, а композитор — музыку, с главной интонацией — «Прощай, любимый город». Прощай, прощай — шемящая грусть от расставания с Ленинградом выразилась в удивительном хроматическом ходе, дважды повторенном; от него, как от центра, лучом пошли попевки, простота которых вот уже полвека разгадывается, анализируется музыкальной наукой, как неувядаемый образец лирической песни.

Родилась песня — «Вечер на рейде». Понесли ее в композиторскую организацию. Песня, мало сказать, не понравилась — показалась странной: слишком спокойной, «тихой», заунывной. Соловьев-Седой не спорил. Отложил песню.

Фронт приближался к Ленинграду. Было занято Тосно, где жила тетя Нюша, нянчившая Василия в детстве. Ее сын Николай ушел в партизанский отряд, действовавший на территории Тосненского района. Однажды Николай появился дома, рассказав матери о том, что получил задание — поджечь лесопилку, снабжавшую пиломатериалами оккупантов. Лесопилку сожгли дотла. Начались повальные аресты. Тринадцать человек расстреляли. Николай погиб на глазах у матери. У нее хватило сил найти в лесу яму, куда закопали расстрелянных; когда освободили Тосно, она перехоронила всех тринадцать на местном кладбище.

«Песня мщения», созданная ее племянником, призывала:

*Кто любит все то, что свято нам,
За землю постоит головой,
Тот фашиста убьет проклятого,
Исполнит наказ святой.*

*Плачет мать над убитым ребенком,
Это, может, старушка моя,
Родная моя сторонка,
Дорогая Отчизна моя!*

Эта песня звучала как исконные песни-плачи русских матерей.

Тяготившийся тыловой жизнью, считавший, что должен быть там, где идут бои, Соловьев-Седой организовал театр, назвав его «Ястребок». В состав театра вошли певец-баритон, цирковая, опереточная пара и композитор, которому надлежало аккомпанировать программу; он же в качестве конферансье придумывал словесные репризы, шутки, текст и музыку песенки «Ястребок», которой должно было открываться представление.

«Ястребок» вошел в быт войны. Концерты в землянках стали привычными, Соловьев-Седой научился игре на баяне, а, главное, всюду игрались и пелись его песни: весь песенный «запас» шел в ход, без оглядки на принятое или не принятое тыловыми организациями.

Как-то решился автор вытащить на свет и раскритикованный «Вечер на рейде». Концерт проходил в низкой, тускло освещенной землянке у самых вражеских позиций. Громкое пение запрещалось. Певец заболел и остался во втором эшелоне. Танцы балерины «не помещались» в тесной землянке, куда набилось человек тридцать, готовых выскочить по первому сигналу о наступлении. Соловьев-Седой сам тихо запел, обращаясь к бойцам:

*Споете, друзья, ведь завтра в поход
Уйдем в предрассветный туман.
Споем веселей, пусть нам подпоет
Седой боевой капитан.*

Когда третий раз прозвучал припев – «Прощай, любимый город!» к голосу автора прибавились тихие голоса слушателей, повторявших для себя всколыхнувшее сердца – «Прощай, любимый город!». У каждого он был, этот любимый город, оставленный, быть может, навсегда.

«Когда я спел, – вспоминал композитор, – все молчали, никаких аплодисментов не было и не могло быть, ибо неподалеку стояли немцы. Но я почувствовал, что песня понравилась, меня попросили продиктовать слова. Бойцы, записав их, предложили спеть вместе. Первый раз в жизни ощутил я эту ни с чем не сравнимую радость, когда люди поют вместе с тобой твою песню, которую они раньше никогда не слышали».

Успех «Вечера на рейде» высветил другие произведения. Написанное Соловьевым-Седым искали с доверием. По всей стране зазвучали «Играй, мой баян», «Гармоника», «Песня смелых».

Основным автором текстов остается Алексей Фатьянов, но прибавляются и многие другие поэты, считающие честью сотрудничать с талантливым песенником. Песня «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?» создается с поэтом В. Лебедевым-Кумачем. Стихи И. Уткина использованы в песне «Над Родиной грозные тучи», М. Исаковский дает текст популярной песни «Морячка».

В конце войны приехавший с фронта Алексей Фатьянов прочитал Соловьеву-Седому лирическое стихотворение о соловьях. Композитор, как вспоминал впоследствии, «не спал после этого дня два – не мог сладить с необычайным волнением... И

так уж получилось, что в один присест я написал песню. Написал, спел для себя своим хриплым композиторским голосом».

Через несколько дней радио уже передавало эту песню, и начиналась она, вопреки традиции, с припева:

*Соловьи, соловьи,
не тревожьте ребят,
Пусть ребята
немного попят...*

А дальше шел куплет:

*Пришла и к нам
на фронт весна,
Ребятам стало не до сна —
Не потому,
что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.*

Во всех концертах дружно просили: «Соловьи!»

В этой песне, как и в близких ей песнях «На солнечной поляночке», «Шел солдат», «Весенней песне», те качества, которые, проявились в «Вечере на рейде», оформляются как творческий принцип, как метод: общенародное чувство передается через личное переживание, мелодии широки, напевны, с живыми речевыми интонациями, доверительными, сердечными. Волевые импульсы включены в эту песенную задушевность, оттого их воздействие усиливается. Лирика связана с юмором, незлобивым, приветливым. Песни Соловьева-Седого убеждали, что народ России оставался в величайших испытаниях душевно цельным, чистым, человеческим. Такая направленность и определяла успех песен.

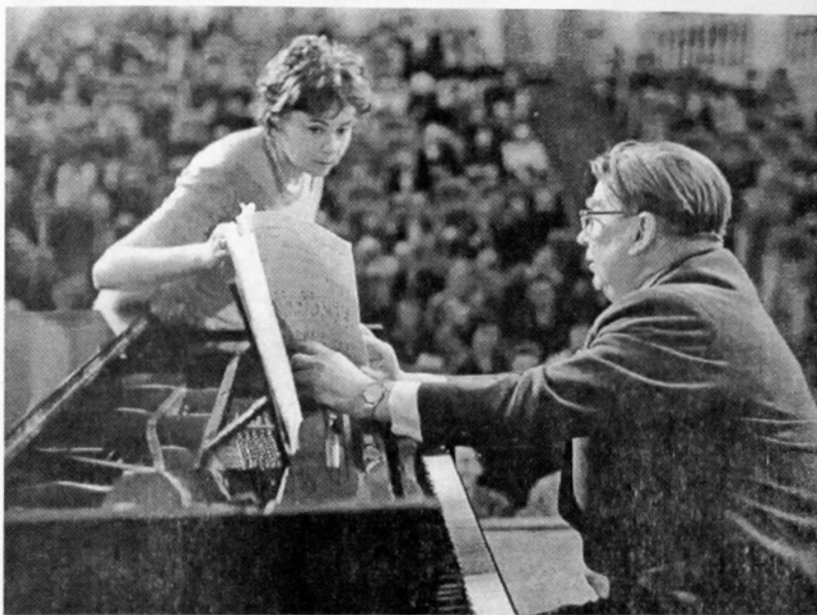
Как-то в воинской части, оформляя ему проездные документы, старшина против графы «Звание», вслед за именем и фамилией «Василий Павлович Соловьев-Седой» четко написал: «начальник песенного довольствия».

Во второй половине сороковых годов пульс творчества Соловьева-Седого изменился. Новые песни не могли быть похожими на прежние: в памяти народной оставалась прошедшая трагедия войны — ее кровавый след был еще ярок и свеж. Композитор ясно ощущал насущную необходимость в перестройке, трудность которой усугублялась его достигнутой известностью; так много сделавший в военную пору, он должен был чутко услышать мирный пульс. Стереотипу сопротивлялся. Песни «Далеко родные осины», «Далеко иль недалеко», «Матросские ночи» — тема возвращения домой без громкой радости, с неизменной тихой грустью; горячее восприятие красоты Ленинграда родило мелодию песни «Наш город» — нежное объяснение любви родному Ленинграду.

Мирный покой возвращал к любовной лирике. Она теперь и разнообразней, и богаче, и тоньше, чем в тридцатые годы. В ней многие оттенки чувства — верность, восторг любви («Едет парень на телеге»), светлая печаль («Тропки-дорожки»), любовный юмор («Страдания»), а в одной, лучшей песне слита вся, пожалуй, гамма расцветающего любовного чувства, — песня «На лодке» на стихи В. Лебедева-Кумача сошла в жизнь с экрана кинофильма «Первая перчатка»; центром явился чудесный припев:

*Милый друг, наконец-то мы вместе,
Ты плыви, наша лодка, плыви.
Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей, большой любви.*

Эта песня — образец гармонического синтеза слова и музыки: проникновенность, доверительность, нежность, лиричность. Интимность не воспринимается замкнутостью. Удивительна многогранность простых мелодических «формул», сочетающих элементы крестьянской и джазовой песни.

На репетиции с певицей Лилией Гриценко

С этих лет Соловьев-Седой сознает огромную пользу для песенника путешествий, ему становятся необходимы частые «перемены мест», показы песен в различных аудиториях, причем предпочитает села, небольшие города, неизменный Сестрорецк, где живет подолгу и где как-то за два месяца дал сорок концертов.

Привычки не менялись. Строгая самодисциплина. Ни дня без строчки. Ритм мастера, ответственного за свой талант.

Продолжает волновать судьба людей, перенесших войну. Тема имеет преемственную нить: его ведут далекие ассоциации с судьбой его крестьянской и солдатской семьи. Сын солдата писал о том, как солдат, перенесший самую жестокую войну на земле, возвращался, чтобы строить новую жизнь. Композитора волновала одна мысль, одна строка: «Где же вы теперь, друзья-однополчане». Такая песня стала, как это и было принято у Соловьева-Седого, песней одного героя. Мелодия полна суровой нежности,

После концерта

наплывает мерными волнами, течет неторопливо, так что каждый ее искусный поворот входит в сознание, успевает быть воспринятым и прочувствованным. Сохраняется все та же мера: полная, неоглядная искренность. Она и сделала песню произведением не на короткое время. Постарело, ушло военное поколение. А песню продолжали петь, чаще всего 9 мая — в день великой Победы.

От этой песни композитор «повел» цикл, назвав его «Сказ о солдате»: шесть песен — картин, размышлений. Их замечательно спела Клавдия Шульженко — великий мастер театрализации песни, гений эстрадного искусства.

Большое значение в жизни Соловьева-Седого в это время имели события не только творческие, но и общественные. Его избирают председателем Ленинградской композиторской организации, и он проявляет себя, как талантливый руководитель с хваткой рабочего, трудового человека. Не терпит разговоров вокруг до около, не скрывает презрения к пустозвонам, не идет на компромиссы, сохраняя независимость мнения.

С Игорем Стравинским

Бытовые, жилищные условия были в Ленинграде нелегкими. Для того, чтобы облегчить композиторам творческую работу, Соловьев-Седой добился расширения Дома творчества композиторов в Репино, предоставления квартир, ссуд. Выкроить время для собственной работы становилось все трудней: то, что композитора в Ленинграде, можно сказать, все знали, многие с ним учились, дружили, открывало двери его квартиры на Фонтанке, в доме 131. Как руководитель, он был занят всю вторую половину дня и уставал много больше, чем от сочинения музыки.

Помогло то, что поселок Комарово определили, как место для дач деятелей искусства. Соловьеву-Седому отвели участок на тогда еще немногочисленном Большом проспекте, так, что конец участка пришелся на густой лес. Соловьев-Седой не стал строить дачу — сам составил план дома-пятистенки, по типу богатых домов Кудрявцево. Стрился основательно, добротнo, без претензий на

Дом в Комарово

оригинальность, но с учетом творческого комфорта и постоянного проживания: слева — утепленная веранда, в центре — столовая, рядом комната дочери и внуков, верхний этаж — комната жены. Скромнее всего был его кабинет, шагов семь-восемь в длину и

Рабочий кабинет

ширину, с обилием света из широкого окна, за которым видны сосны и ели. Слева стоял диван, не новый и не модный — место отдыха, сна, справа — рояль с легкими, податливыми клавишами, на стене, обитой картоном, — шуточные стихи, записанные друзьями-поэтами Е. Долматовским, М. Матусовским, С. Фогельсоном.

Вековая тяга поколений к земле проснулась и развилась в Соловьеве-

За работой

Седом в этом доме. На участке высадил деревья, ягодный кустарник, любил собирать яблоки, ягоды, по-хозяйски варенье заготовить, грибов насобирать: уезжал за грибами подальше от поселка, надолго, с ночевками у костров. Сестре иронически писал: «Я здесь в Комарове достаточно хорошо провожу время. Нашел такие грибные места, что ахнуть можно. Ловим раков по сотне и больше. «К сожалению», приходится сочинять музыку, что отвлекает от этих приятных занятий».

М. Матусовский впоследствии вспоминал: «Живя в Комарове, он завел дружбу с рыбаками из окрестных селений и частенько пропадал у них, помогал им готовить снасти, ходил вместе с ними на промысел. Однажды повез он меня к ним в гости. Мы оказались в дощатом сарае с одним окошком, где сушились растянутые на кольцах сети, в углу были сложены весла, багры, канаты, стояли высокие непромокаемые сапоги, висели тяжелые брезентовые робы. Для нас была поставлена на огонь сковорода со свежей рыбой. Рыбаки делились своими впечатлениями о недавнем телевизионном концерте одной певицы, выносили свои суждения о песнях и их исполнении, нам было интересно слушать

Праздник на комаровской веранде

их, а Василий Павлович чувствовал себя в этой мужской компании своим человеком, которого ждут, которому всегда рады.

Он любил вспоминать, как давал поэт Александр Твардовский советы начинающим грибникам. «Когда собираетесь в лес, — напутствовал их Твардовский, — не берите с собой громоздких корзин и сумок — грибы не любят этого. Спрячьте от них сумочку подальше. И вообще, ведите себя скромнее, не хвастайте своими находками. Где-нибудь в этой густой чаще скажите вслух, чтобы грибы слышали: «Нет, наверное, сегодня грибов не будет!» Только тогда можно рассчитывать на удачу!»

И Василий Павлович в полном согласии с этими советами был в лесу неразговорчив и сосредоточен. Золотилось солнце на коре прибалтийских сосен. Какой-то жук тянул одну низкую ноту. Остро пахло грибами. Я уж готов был взмолиться, чтобы сделать привал и залечь в тени на укромной полянке. Но Соловьев-Седой был неумолим. Я подозреваю, что здесь, в лесной тиши, вместе с лисичками и маслятами, находил он и многие из своих музыкальных тем».

Здесь, в рабочем кабинете дома в Комарово появились замечательные песни: «В путь» и «Подмосковные вечера», «Если бы парни всей земли...», «Баллада об отце и сыне», «Баллада о солдате».

Самой знаменитой, всемирно популярной стала песня «Подмосковные вечера». Ее история не раз излагалась в различных вариантах. Да истории-то большой и не было. Песне не сопутствовали необыкновенные обстоятельства, как это было с «Вечером на реиде».

Композитору заказали музыку к фильму «В дни Спартакиады». Спортивная тематика всегда его интересовала, ассоциировалась с молодостью, здоровьем, радостью, с дружбой и добрым соперничеством. Она возвращала — а эти возвращения композитор любил — к детству, когда участвовал в футбольных баталиях, учился боксировать. Называя себя рядовым многомиллионной армии физкультурников, он однажды в спортивной газете рассказал о своих занятиях греблей, теннисом, баскетболом, волейболом, о лыжных прогулках, о своей программе утренней гимнастики и даже о том, как заменял в санатории в Карловых Варах преподавателя гимнастики.

Композитору спортивная тема позволяла находить оригинальные творческие решения в жанре марша, быстрой молодежной песни. Ему уже приходилось музыкально оформить связанные со спортом художественные фильмы «Первая перчатка», «Чемпион мира», одной из первых его удачных песен была песня «На лыжи», вошедшая потом во многие его авторские сборники; выделялась также спортивная песня «Если хочешь быть здоров» из фильма «Первая перчатка».

Фильму «В дни Спартакиады» композитор не придавал большого значения. Это была не художественная, а хроникально-документальная лента, своего рода развернутый репортаж, который два режиссера монтировали из кадров снятых десятью операторами. Вряд ли предполагалось длительное бытование фильма на киноэкранах. Тема, жанровое наклонение фильма требовали музыкальной насыщенности без близкой связи с

калейдоскопом кинокадров. Потому композитор и режиссеры остановились на шести мини-сюжетах, из которых пять были связаны с песнями, слова для которых должен был написать М. Матусовский.

Для «Подмосковных вечеров» он принес четыре куплета-обращения к тихим вечерам, когда «...песня слышится и не слышится...», а «...речка движется и не движется, вся из лунного серебра...» Поэтический уровень куплетов не был ровным. Лучшие пейзажные строки заключались не слишком отшлифованным финалом:

*А рассвет уже все заметнее,
Так, пожалуйста, будь добра,
Не забудь и ты эти летние
Подмосковные вечера.*

Музыка решительно подняла текст, приняла на себя основную эмоциональную нагрузку. Поэтому и оказалось возможным подтекстовывать к мелодии, когда она широко распространилась, разные слова, на разных языках, с заметными даже изменениями смысла, что совершенно исключалось для сюжетной песни Соловьева-Седого «Вечер на рейде» и других шедевров. Может быть, этим объясняется и то, что, услышав однажды изменения смысла «Вечера на рейде» в латиноамериканском варианте, он резко запротестовал, между тем как более многочисленные и существенно измененные варианты «Подмосковных вечеров» его протеста не вызывали.

Первым слушателем «Подмосковных вечеров» в Комарове, как только они были созданы, стала Татьяна Рябова. Изучив за многие десятилетия стиль творений мужа, она, как музыкант, посоветовала изменить один интонационный штрих — движение мотива в той части, где звучат слова: «...как мне дороги...». Поправка была принята.

Сам автор песню не оценил. Если начальные перипетии «Вечера на рейде» доставляли ему страдания, но вера в свое детище его не покидала, то здесь он смотрел на песню как на еще одну, пусть неплохую, но обычную работу. Потому и не пошел на Международный конкурс песен, проводившийся на Всемирном фестивале молодежи в Москве: предпочел конкурсу другие

мероприятия фестиваля, да и больше его занимало, как он сам признавался, «боевое крещение» на фестивале песни «Если бы парни всей земли...» Вот почему для него было полной неожиданностью присуждение первой премии и Большой Золотой медали «Подмосковным вечерам».

Произошло то, что в истории искусства не раз случалось, когда сочинения, созданные без усилий, ожидания успеха, с безоглядной душевной отдачей, не считавшиеся авторами значительными, в действительности оказывались как бы концентрацией типичных черт стиля, выливались в столь совершенную форму, что становились вершиной творчества.

Так получилось с «Подмосковными вечерами». После фестиваля песню запели.

Прошел год. В Ленинград приехал лауреат Первой премии Первого Международного музыкального конкурса имени П. И. Чайковского Вэн Клайберн и пришел в гости в Дом композиторов: хотел отдохнуть среди коллег от напряженных гастролей. Ради шутки Соловьев-Седой сыграл с ним в четыре руки забавный вальсик, а потом и «Подмосковные вечера».

Перед тем как уехать на родину, Клайберн давал прощальный концерт в Москве.

«Бисам» не было конца. Они составили дополнительное отделение, а публика все еще рукоплескала артисту. И тогда он вновь сел за фортепиано, и в наступившей тишине вдруг зазвучали «Подмосковные вечера» — в удивительном фортепианном изложении, насыщенно, с новой гармонической подсветкой, прекрасными подголосками.

И зал разразился громовой овацией.

С конца пятидесятых годов песню играют и поют повсеместно. Начальный мотив стал позывными радиостанции «Маяк». На торжественном праздновании 60-летия композитора была произнесена речь об этой песне и демонстрировались десятки изделий, названных в ее честь.

Печать публиковала подробные информации из-за рубежа. Известный деятель английского джаза Кенни Болл сделал джазовую аранжировку и выпустил пластинку, которая разошлась в количестве трехсот тысяч экземпляров. В США песня стала

бытовать в трех инструментальных вариантах. Во Франции ее включили в программу радио. В Бразилии ее пела фольклорная группа «Фарропинья». В Венеции сам композитор был свидетелем такого эпизода. Туристы попросили гондольера спеть, как это там принято – за плату, итальянскую песню. Гондольер ответил: «Спойте мне подмосковную из Ленинграда, и я не возьму за итальянскую ни лиры».

На конкурсе «Неаполь против всех», где шло соревнование лучших песен мира, «Подмосковные вечера» получили высшую премию.

Песню приняли во многих зарубежных странах как свою, рожденную в этих странах. Мелодия композитора, опиравшаяся на русский фольклор, оказалась интонационно всеобщей – вот что стало завоеванием Соловьева-Седого, доказывая классическую истину, что лишь исконно национальное становится интернациональным.

Международное значение, которое приобрела неприхотливая лирическая песня, ее роль в единении миролюбивых народов могла сравниться с ролью эпохальной Седьмой симфонии Шостаковича в борьбе народов против фашизма.

Триумфальный успех уверил Соловьева-Седого в правильности исканий, вызвал особенный подъем, привел к написанию новых шедевров.

Тема борьбы за мир воплотилась в песне «Если бы парни всей земли...» на стихи Е. Долматовского, возникшей в том же Комарове. Здесь иная, маршевая песенность, сюжетно-драматическое движение: вначале речь идет о чудесных парнях всей земли, в компании которых было бы «весело... и до грядущего подать рукой». Но припев уже совсем не безоблачен, в нем тревога, минорные интонации предостерегают от благодушия и умоляют: «Парни, парни, это в наших силах – землю от пожара уберечь...» и затем резким поворотом, завершающим контрастом звучит интонация решительная, подчеркнута маршевая: «Мы за мир, за дружбу, за улыбки милых, за сердечность встреч».

Достижением композитора становится редкий сплав песни лирической, интимной и политической.

Продолжалась в творчестве тема военной доблести. Выделяются две замечательные песни — «Баллада о солдате» и «Баллада об отце и сыне». В них композитор совершенствует жанр песенной баллады, как жанр, возникший из мелодекламации. Балладность — в драматизации фразировки, в подчеркивании ее речевых элементов. Получается, по определению самого автора «песня балладного происхождения, требующая отточенной музыкальной формы».

В молодости Соловьев-Седой мечтал сочетать форму песни и романса, писать песни-романсы. Теперь он находит «гибридную» форму в балладах.

Соловьев-Седой считал, что им написано примерно четырехста песен. Можно суммировать и более точно. Если не считать утерянных, сымпровизированных, выйдет 463.

Ленинграду (Петербургу), его традициям и людям посвящены песни: «Выходи сегодня на залив», «Вечер на рейде», «Вечерняя песня», «Любите свой завод» на слова А. Чуркина; «Песня о Ленинграде» с текстом Е. Рывиной, «Песня балтийцев» на стихи В. Лебедева-Кумача, «Наш город» в содружестве с А. Фатьяновым, «Ночи белые стоят над Ленинградом», «Ленинградская весенняя», «Мы — ленинградцы», «В белую ночь» (тексты песен С. Фогельсона) и многие другие. Даже краткий перечень показывает, что ленинградская тематика сопровождала композитора почти всю его активную творческую жизнь.

Суть этих песен не только в том, что у Соловьева-Седова, как и у каждого художника, есть своя «географическая опора» — любимый край, город, село, река. Песни о Ленинграде раскрывают самое значимое в личности классика песни — его патриотизм, гражданское самосознание. Через Ленинград он видит, ощущает и воспринимает Россию. Здесь он всегда находит опору творчеству, душевный настрой, необходимый для работы, воодушевление, радость. Он так и сказал на пороге семидесятилетия: «Ленинград всегда был большой радостью моей жизни. Вы знаете, мне часто приходится уезжать. Первое, что я делаю, вернувшись, — иду на набережную Невы. Это потребность, необходимость».

*В Комарово с певцом
Василием Копыловым*

Как-то Соловьев-Седой попытался изложить свое музыкальное восприятие Ленинграда. Объяснение, свидетельствующее о глубоком психологическом значении, которое композитор придавал этому восприятию, дает интереснейший материал для уяснения глубинных, внутренних процессов творчества: «Говорят, что музыка — это подслушивание самого себя. Я вслушиваюсь и, действительно, каждый памятник, мост, особняк, каждая набережная, каждое дерево имеет свою тему, свой образ, свое музыкальное развитие, свою мелодию и подголоски. Застывшая музыка архитектуры звучит, и

я отчетливо слышу это звучание. Я иду по знакомому до слез городу и слышу виолончельную партию Львиного мостика, барабанную дробь памятника Суворову, клавишин Дворцовой площади, шум манифестаций у Финляндского вокзала, шепот и шелест листья Александровского сада, торжественные шопеновские интонации Марсова поля...

Кажется, Гоголь сказал, что архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже умолкают предания и песни. Мне кажется, что не только говорит, но и поет, звучит, шумит, смеется и плачет. И песни ее не молчат».

Можно сказать, что музыкой своей Соловьев-Седой как бы исследовал все лики Ленинграда, вновь и вновь находя новые прекрасные детали, штрихи, образы, краски, повороты великих

общеисторических тем, обратавшие в ленинградской призме особую выпуклость.

Была у Соловьева-Седого мечта, чтобы стихи песни о Ленинграде написала для него Ольга Берггольц — великая муза многострадального блокадного города. И сама она мечтала написать такую песню, но стихи не дала, считая, что они несовершенны. Зато всей душой порадовалась за Михаила Дудина, на слова которого Соловьев-Седой написал замечательную песню «Солдаты в путь!».

С певцом Марком Бернесом у афиши перед пятидесятилетием

Среди всех песен Соловьева-Седого, специально посвященных Ленинграду, воспевающих величие, красоту города, можно выделить «Наш город» и «Вечернюю песню».

Обе песни лирические, мечтательные и, вместе с тем, мужественные: это сочетание, своеобразно преломленное музыкальными средствами, и создает необыкновенную выразительность.

«Вечерняя песня» — элегия. До Соловьева-Седого давний и распространенный жанр использовался главным образом для интимных обращений и печальных дум.

Соловьев-Седой пел «задушевную песню свою» целому городу, разговаривая с ним, словно с другом, живым и отзывчивым. Нежно вглядываясь в любимые очертания, он вспоминал о том, что здесь проходила его юность. Заканчивается песня колыбельной, убаюкивающей и утешающей прекрасный город:

*Песня летит над Невой,
Засыпает город дорогой.
В парках и садах липы шелестят.
Доброй ночи, родной Ленинград.*

Дружил с певцом Ефремом Флаксом

Соловьев-Седой считал, что «...в Ленинграде много, очень много мест, где музыка просто необходима...» и вновь и вновь, помногу раз повторял свое осмысление темы: «Дай руку, пройдемся неповторимой белой ночью по набережным, посмотрим, как разводят мосты и как пыхтящие буксиры тянут караваны барж, как тихо-тихо обтекает Нева борта этих вечных странников, омытых водами и овееянных ветрами дальних дорог, послушаем тихую мелодию, без которой тускнеют акварельные краски июньского рассвета, увидим и услышим туманную дымку над куполом Исаакия и над взметнувшейся вверх Адмиралтейской иглой. Может быть, всего этого нет. Может быть, я просто вижу и слышу свой город, его ночные шорохи и ночные шумы, слышу скрипичную партию Невы и нежное пианиссимо отраженных в ее водах величественных ансамблей.

Может быть, я просто фантазирую. Но я родился и вырос в Ленинграде. Я люблю свой город до самозабвения. Моя тема — это Ленинград. Моя привязанность и слабость — это Ленинград.

Моя гордость — Ленинград. Поэтому и многие мои песни о Ленинграде». В этих словах — суть песни «Наш город» на стихи А. Чуркина, которая, как признавался композитор, всегда с ним оставалась:

*Город над вольной Невой,
Город нашей славы трудовой,
Слушай, Ленинград, я тебе спою
Задушевную песню мою.*

Так начиналась эта песня-монолог, песня-воспоминание. И еще отмечал сам автор песню на слова А. Фатьянова со словами итоговыми:

*Над Россию небо синее,
Небо синее над Невой.
В целом мире нет, нет красивее
Ленинграда моего.*

В конце жизни Соловьев-Седой признавался: «Когда я написал «Подмосковные вечера», меня засыпали письмами и записками: почему не ленинградские? Многие авторы этих писем требовали в самой категоричной форме, чтобы Михаил Магусовский изменил текст и чтобы я это требование поддержал. Они хотели петь:

*...Если б знали вы, как мне дороги
Ленинградские вечера...*

Это проявление безраздельной любви к городу. Это требование слушателя к своему композитору.

«...Величие моего города описано Пушкиным и Гоголем, воспето Чайковским и Шостаковичем, воспроизведено на старинных гравюрах и современных полотнах. Что еще можно добавить к этому? И все-таки тема города на Неве, его возвышающей и облагораживающей красоты, как и тема любви человеческой — вечная тема».

В поздние годы Соловьев-Седой работал неторопливо, и ничто не могло заставить его изменить этому новому ритму, без стремления побольше сочинить, поскорей услышать сочиненное на эстраде, в театре или кино. Однажды

В Комарово с молодыми музыкантами

на вопрос: «Долго ли Вы работаете над песней?» ответил: «Одну из последних — «Письмо из экспедиции» — сочинял около года». Теряя в легкости, в продуктивности, он выигрывал в значительности, стремился расширить образный мир песни, искал и находил пути развития песенного жанра и своего личного творчества, новые темы, формы.

Выросло молодое поколение. Герой прежних песен — милый, добрый, простецкий — усложнился. Молодые голоса пели под гитару о жажде понять мир, о новых дальних дорогах и переживаниях. Соловьев-Седой долго не вступал в этот тематический круг, приглядывался, осмысливал.

Как всегда у него бывало, не столько музыка, сколько сама жизнь, познание совокупности явлений привели его к переоценкам. Композитора вновь потянуло в дальние края. Имея возможность побывать в любом зарубежном месте с комфортом, он выбирал дальние тропы родной страны, поездки, как способ видеть, узнать новую романтику. Организовывалось утомительное и прекрасное путешествие на маленьком пароходике по рекам Сибири, и композитор забирался в самые глухие, таежные места, которые

запечатлел в повести «Царь-рыба» высоко ценимый им писатель Виктор Астафьев. Обязательно требовалось ему побывать в Тюменском крае, на нефтяном Севере (Ханты-Мансийске, Сургуте, Нижневартовске). К 30-летию победы под Сталинградом поехал в этот город, к местам боев. Нужен ему и Клин, дом Чайковского, чтобы ознакомиться с атмосферой творчества композитора, с процессом его композиторского труда. Нужно Ставрополье — хлебный край, Караганда — шахтерские поселки, где сложилась песня «Караганда» на слова местной поэтессы С. Тарасовой для голоса без сопровождения — чистый мелодический на-

В шестидесятые годы

пев. Азербайджан и Киргизия интересны тамошним интонационным строем фольклора — привез оттуда песни «Добрый край, Азербайджан» и песню о Киргизии.

Писались песни-раздумья, песни-монологи, пейзажные зарисовки; все чаще в его творчестве проступали элементы мало свойственной ему прежде философской лирики, отвлеченной от конкретного героя. Предпринимаются циклы песен, как своего рода свод своего стиля, языка.

ЖС жизнь Соловьева-Седого к семидесятилетию была, в сущности, непризнанием старости, борьбой с ней, сохранением свежести чувств, энтузиазма, творческой силы, как опоры физического здоровья. Стихи поэта Глеба

Горбовского, использованные в циклах, отвечали такому духовному движению, укрепляли веру в преемственность поколений, возрождение романтизма, озарившего молодость композитора. Из путешествий Соловьев-Седой возвращался в Комарово — свое ленинградское место. Дом не был открытым — многолюдья хозяин не любил, как и праздного любопытства. Зато друзьям всегда был рад, как и творческим коллегам, приехавшим по делам фильмов, спектаклей. По-прежнему к нему обращались с просьбами о поддержке и, хотя депутатскими полномочиями он в последнее время не обладал, где мог, помогал, в приеме не отказывал, с одинаковым вниманием, добродушием и достоинством разговаривал с крупным поэтом и с кочегаром из соседнего санатория.

Росли внуки. Старший — Василий, похожий на дедушку, проявил актерские способности, стал мастером художественного чтения, младший — Глеб, прозванный дедом за строптивый нрав «Батыем», развивался трудно, но дед утешался тем, что и сам-то определился не сразу. Что бы не случилось, он оберегал, охранял семейную жизнь, как фундамент, необходимый творчеству, с годами все больше любил собирать вокруг себя родственников, сделал членом своей семьи сестру, волновался о непутевом брате.

Освободившись от руководства Ленинградской композиторской организацией, он мог возвратиться к твердому распорядку жизни, остававшемуся неизменным до самых последних дней. Время до обеда принадлежало композиторскому труду без каких-либо отступлений, во всякую пору года, при всех обстоятельствах. Композитор задавал себе норму, когда писал большую форму, кнопкой прикалывал приказ-расписание: за столько-то дней должен был сочинить каждый номер. Работал самозабвенно, напряженно, а с полудня, стряхнув трудовую усталость, не чурался рюмочки, принимал друзей, отвечал на письма, сочинял юмористические стихи, сценки.

Воскресенье всецело посвящал отдыху. Однажды в воскресной беседе описал такой день: «Конечно, я устал. И решил сходить в баню — хорошенько попариться. Я всегда так снимаю многодневную усталость. Отличное средство! Пришел домой, укутался в плед и начал читать своего любимого Чехова. Мой

Семья

внук Вася тоже был дома. Приехала и дочь с мужем. Семья собралась большая. В разговорах и промелькнуло все воскресенье».

Любил футбол, у мужа сестры — известного футболиста Михаила Юденича требовал: «Обязательно присылай мне подробные сводки о футбольных матчах, а то я здесь, в Комарове, очень «болею». О «Зените» спрашивал: «Что «Зенит» — звенит?». Ранними светлыми вечерами любил погулять с внуками, и нередко в Комарове можно было наблюдать, как направлялись к Финскому заливу по проселочной дороге, высушенной летним солнцем, два товарища шли, оживленно разговаривая, о чем-то споря, и, чувствовалось — им весело вдвоем и интересно. Вот остановились у дерева с затейливой кроной, наклонились, увидев что-то занятное в кустарнике, извлекли из карманов кусочки

хлеба, чтобы подкормить воробьев. Это два Василия на прогулке после работы: Василий-старший, без фуражки, в очках, кожаной куртке, и внук – голубоглазый Василий-младший.

Тоды не сделали Соловьева-Седого скептиком, не придали ему скучной солидности, слава ни в чем не изменила его привычек, искренней простоты. Как и в каждом большом художнике, в нем сохранялись непосредственность восприятия мира, наивное удивление перед красотой, умение видеть красоту и наслаждаться ею и нескрываемая радость оттого, что его творчество остается необходимым людям.

Болезнь подкралась к нему незаметно, и он, здоровяк, оптимист, долго не принимал ее всерьез, считал не раком аденомы, а радикулитом.

Писал детскую оперу «Терем-Теремок» – свое последнее сочинение.

Удивительна и закономерна эта удивительная потребность творцов – к концу жизни возвращаться к истокам, к детству. Д. Шостакович заканчивал путь Пятнадцатой симфонией с первой частью, как он пояснял, изображавшей «игрушечный магазин, множество ребятишек, полная безоблачность», в романс «Бессмертие» из цикла на стихи Микеланджело ввел тему, сочиненную в десятилетнем возрасте.

Молодой Соловьев-Седой начинал с музыки для кукольного театра. Теперь он вновь писал для театра детей – музыкальную комедию «Терем-Теремок», обратившись к лучезарной сказке С. Маршака.

Встретились два деда: злой – еловая шишка и добрый – гороховый стручок, захотели показать детям сказку. Злой – страшную сказку, добрый – веселую, пусть посмеются. В конце концов решают сообща показать сказку про терем-теремок, в котором звери живут: сперва одна лягушка, потом мышканорушка, петушок горластый – Петя, серый ежик – ни головы, ни ножек. Добрые звери не пускают в терем-теремок злого волка, он призывает на помощь лису, медведя, но ладу между ними нет, медведю и волку не удается пробраться в терем-теремок, но

хитрая лиса выманивает петуха, да «у ежа иголки колки, больно колются иголки», и лисице приходится петуха швырнуть и в кусты прыгнуть. Добрые звери вылечивают петуха, утешают – «будешь песнями опять солнце красное встречать».

Сюжет по характеру Седому: в детской сказке, в сущности, и его философия жизни: стать добрее – будешь веселее. Увлеченный С. Я. Маршаком, он дополняет сказку своими стихами, интермедиями, прибаутками. Пишет музыки много, затягивает дело, словно бы не в силах оторваться от этого света, откуда черпает бодрость, мужество.

Болезнь Соловьев-Седой не умел. Болезнь побеждала его долго: более двух лет.

Шостакович, страдая атрофией конечностей, все-таки мог передвигаться, с напряжением писать.

Соловьев-Седой лежал на спине, не в состоянии даже приподняться, врачу, которого видел ежедневно, решался задавать один вопрос: «Я буду сидеть?» и извинительно добавлял: «Мне ведь нужно работать». Сдержанность не позволяла жаловаться. Этот добродушный и открытый человек всегда был деликатным и скрытным во всем, что касалось его горестей. Страдания отстранял. Не его утешали – он утешал – выдержкой, спокойствием и даже юмором, не покидавшим и в это страшное время.

Для работы ему устроили нечто вроде пюпитра. Когда уставал – а уставал теперь быстро – решал кроссворды, математические задачи, вспоминая юношеские успехи в этом предмете. Все лето 1979 года провел в Комарове, на диване в своем рабочем кабинете. Там навестила его августовским ясным днем. Диван отодвинули от стены так, чтобы больной мог видеть лес и детей, игравших у дома. За открытым окном пели птицы. В кабинете ничто не напоминало о недуге хозяина – лежал, словно отдыхая, немного похудевший человек с добрым крестьянским лицом, укрытый пледом.

Слова ободрения были неуместны. Шла работа. Несмотря ни на что. От больницы долго отказывался, убеждая: «Ведь Николай Островский работал. Ноги отнялись, но ведь я руками действую, руками...».

Оказался в больнице лишь осенью, перед эпилогом, наступившим 2 декабря 1979 года.

5 декабря город над тихой Невой провожал своего певца. Стоял типичный день ленинградской зимы с теплым снегом, медленно падавшим на землю и тотчас таявшим. В сквере напротив филармонии вода стекала с памятника Пушкину, как слезы.

В Большом зале Филармонии имени Д. Д. Шостаковича, где прошли многие премьеры сочинений Соловьева-Седого, прощались с богатырем русского творческого духа, как его назвал в речи на траурной панихиде поэт М. А. Дудин.

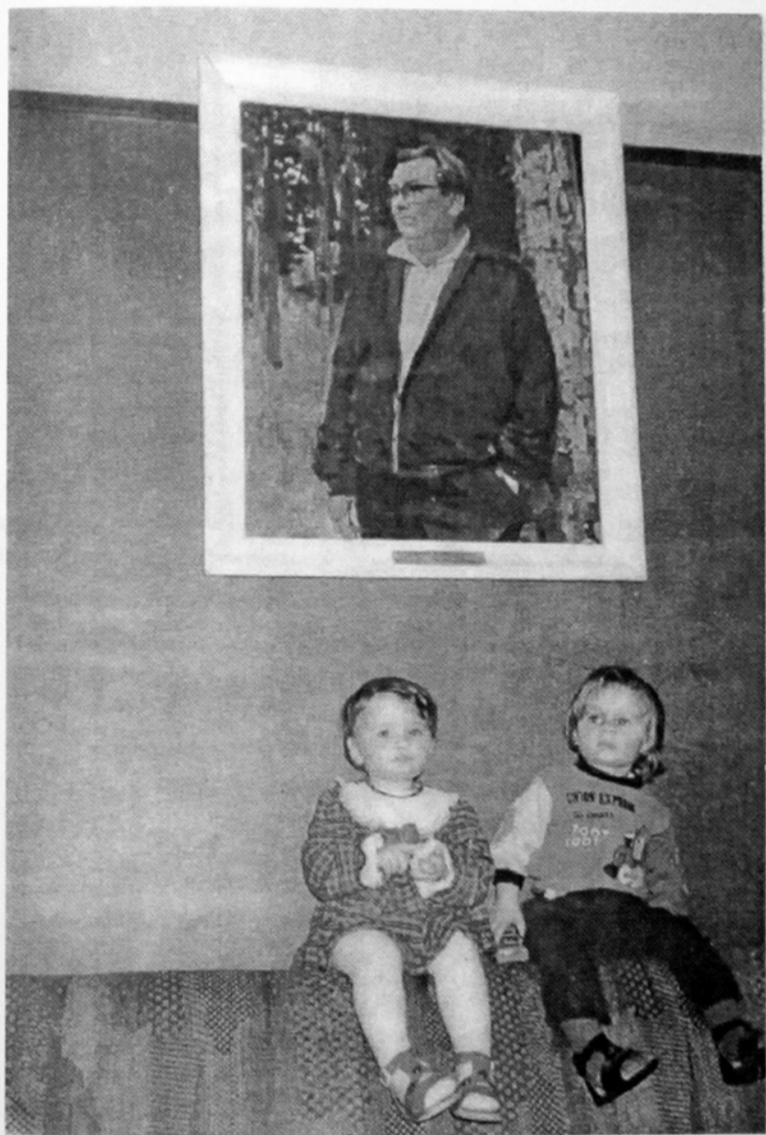
Тихо пел хор: «...Ленинград, я тебе пою задушевную песню свою», «Прощай, любимый город».

М. Матусовский посвятил другу прощальные песенные строки:

*Ты над ним хоть снежной тучей,
Край родной, склонись.
Отгулял твой самый лучший
Первый гармонист.*

*Наряжаются березки
В зимний свой наряд,
Замолчали подголоски,
Голоса молчат.*

*Не проснутся, не зальются
Вновь лады твои,
В Комарово не вернутся
Больше соловьи.*

*Теперь в комаровском доме
подрастают правнуки Маша и Никита*

Мужчина в пальто и шапке стоит на тропинке в саду.

...**Ж**изнь великого композитора продолжается в песнях. Меняются вкусы, мода, совсем другие течения развиваются в легкой музыке, но потребность в чистой песенной красоте остается и будет возрождаться, как истинное выражение души народа.

*Комарово
Июль-август 1999 года.*

Хентова Софья Михайловна

КЛАССИК ПЕСНИ

Выпускающий редактор *М. Тоскина*
Технический редактор *В. Никееенкова*
Художественное оформление
Олег Кузнецов

Печать офсетная. Формат 60x84/16. Печ. л. 2,25.
Гарнитура «Таймс».
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Сударыня»
Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149 В
Тел.: (812) 298-93-41

